

ЦВЕТЫ ИЗ ЯЛТИНСКОГО САДА

О.Л. КНИППЕР – М.П. ЧЕХОВА:

Переписка: в 2 т./ Подгот. текста, сост., комм. З.П. Удальцовой. Предисл. И.Н. Соловьевой. М.: Новое литературное обозрение, 2016

«При выборе действия, оставьте чувство в покое. Оно явится само собой от чего-то предыдущего, что вызвало ревность, любовь, страдание. Вот об этом предыдущем думайте усердно и создавайте его вокруг себя»¹.

К.С. Станиславский

Когда два года назад я начала работать в Научно-исследовательском секторе Школы-студии МХАТ, Зинаида Павловна Удальцова уже готовила к изданию двухтомник переписки О.Л. Книппер-Чеховой с М.П. Чеховой. Письма жены и сестры великого писателя «прилетали» к нам в компьютер, пересылались, с жадностью читались всеми. С чтения этой работы и началось мое постепенное погружение в радостную атмосферу научного творчества, потому пишу о ней сейчас с особенным трепетом и любовью.

Первый том охватывает годы 1899–1927, молодые лица Ольги Леонардовны и Марии Павловны смотрят с обложки, а на задней стороне переплетной крышки изображены Мария Павловна с мамой, Е.Я. Чеховой и Ольга Леонардовна с А.П. Чеховым. На обложке второго тома (1928–1956) лица уже постарели, а на задней стороне мы находим два снимка обеих героинь книги в ялтинском саду. Но если присмотреться, на самом деле окажется, что это не две, а одна целая фотография – обе сидят на одной и той же скамейке, рядышком. Снимок сделан в середине 1950-х гг., возможно, в последнее свидание. Прочувствовать то, как трогательно и важно, что эти две женщины спустя столько лет вместе, можно только пройдя через 1400 страниц переписки.

Чудо вживания

Начинаешь читать этот диалог – сперва несмелый, сдержанный, затем все более откровенный – и поражаешься. Собеседницы понимают друг друга с полуслова, пишут только какую-нибудь четверть того, что контекст сам собой подразуме-

вает: которую именно Машу, Олю, какого именно Володю, Мишу имеют в виду, как оканчивается та или иная шутка, и почему она уместна и т.д., и т.д. Для того чтобы все это понять, нужно очень глубоко вжиться в текст, в текущую за ним жизнь, что составителю книги и автору комментариев удалось блестяще.

З.П. Удальцова делает это не в первый раз: настоящее издание продолжило опыт работы с перепиской А.П. Чехова и О.Л. Книппер, изданной в 2004 г. Та книга шла немного проще – она отчасти опиралась на издание, осуществленное М.П. Чеховой, которое стало настоящей культурной заслугой сестры писателя. Но Мария Павловна – человек причастный к жизни брата, бок о бок проживший с ним все годы. И для того чтобы проделать нечто подобное в наше время, нужно не только отлично знать по именам всех членов этой большой семьи и помнить, кто кому кем приходится, но знать и все семейные шутки, внутренние какие-то словечки, сокращения.

Например, из писем, включенных в настоящее издание, мы узнаем, что при составлении томов своей собственной переписки с А.П. Чеховым, Ольга Леонардовна постоянно справлялась у Марии Павловны о тех или иных именах или событиях, упоминаемых в письмах. И даже Мария Пав-

ловна далеко не всегда их помнила. Каково же должно быть богатство знаний сегодняшнего историка театра, взявшегося за подобный труд!

Фактически работа составителя двухтомника – это чудо творческого вживания в те 57 лет жизни, которые охватывает переписка.

Это фундаментальный научный труд. Все письма тщательно разобраны, и недатированные, и попавшие в папку не с тем годом, к которому они относятся. Датировка указана по почтовому штемпелю, по сопоставлению с окружающими письмами, по пребыванию автора в том или ином городе. Часто время написания письма восстановлено по его содержанию, по датам репетиций, по времени описываемых событий.

Некоторые письма собраны из фрагментов, исходя из содержания, но не только содержания – составитель анализирует и почерк, и чернила.

Если смысл письма не до конца понятен и следует из соседнего, ссылка на него не ставит себя искать. Если пишущие ошибаются в каких-то фактах, комментарий обязательно это исправляет.

В комментариях приведены – везде, где это возможно, – и отголоски на те же темы в письмах другим людям, и отсылки к работам других театроведов, где читатель может разъяснить для себя то или иное событие. Если в переписке встречается упоминание о сообщениях в газетах, эти издания найдены и цитируются.

Комментарий подробен, но не перегружен информацией. Его стиль поразительно сдержанный, он нигде не «хвалится» знаниями, нигде не дает лишней информации. Все несущественное жестко отсекается: приведено только то, что имеет отношение к делу.

Если в письме сказано что-то об изображении на открытке, на которой оно написано, о толщине бумаги, если в нем есть рисунки – комментарий обязательно описывает, что изображено на открытке, какая бумага, что за рисунок имеется в виду – так что создается полное ощущение, что ты держишь эти письма в руках.

Конечно, восторг соприкосновения с архивными материалами не может передать никакое описание, никакое издание, никакая перепечатка. Читателям в этом смысле остается только позавидовать составителю, который прошел этот долгий и увлекательный путь знакомства с подлинниками.

Комментарий сделан так, что к книге можно обращаться и как к справочному материалу – удобно найти нужный год и месяц, оба тома, конечно, снабжены именованным указателем. С какого места ни начни читать, из комментария будет все понятно.

Однако удовольствие сквозного чтения всей переписки от начала и до конца воздаст читателю потраченное время страницей. И вот почему.

О театре, о ролях, о виденных спектаклях из двухтомника много не узнаешь. Эта

переписка – выдающийся памятник быта: прежде всего понимаешь, как люди жили и переживали перипетии эпохи, наполненной великими событиями. Ощущаешь себя как бы в «той», в «их» жизни, словно проживаешь вместе с ними этот отрезок времени почти в 60 лет. Самое, на мой взгляд, восхитительное здесь – это отношения двух женщин, Марии Павловны и Ольги Леонардовны, которые, развиваясь из года в год, распустились из крохотного бутончика в юности в красивый изысканный цветок на закате жизни.

Ольга Леонардовна и Мария Павловна, жена и сестра великого писателя, имели все основания друг друга ненавидеть – и личные, и материальные. Искренняя и глубокая нелюбовь друг к другу овладела ими довольно рано, что не удивительно. Удивительно то, как они с этим сумели сладить.

Какими разными эти две женщины предстают в самом начале переписки! Несовместимыми! Какими откровенными письмами они обмениваются после тайного венчания Книппер с Чеховым в 1901 г.!

У «Ольги» из переписки – поначалу она подписывается «Олькой», «Немцем» или «Олей» – замечательное чувство партнерства: она никогда не подает «Маше» реплику «не в тон». Артистизм в общении – своего рода удивительное искусство, которым совершенно не владеет Мария Павловна. Но у нее хватает сердечности и ума, чтобы это принять, и как бы, перевернув страницу, продолжить жить дальше.

Смерть А.П. Чехова могла бы расколоть их общение на «до» и «после», стать неким водоразделом в отношениях, но этого не произошло. После смерти Антона Павловича они не корили друг друга в произошедшем. Понимали, что всякая ссора между ними так или иначе бросает тень на его имя. Им было не до того, чтобы сводить счеты, прежде всего им хотелось остаться хорошими людьми.

Предстояло полвека общения. И каких полвека!

Мария Павловна живет в доме в Ялте, где ухаживает за больной матерью, Ольга Леонардовна – в Москве; летом либо на гастролях, либо едет за границу, в Крым заглядывает ненадолго. Ее дача в Гурзуфе, подаренная Чеховым, постоянно требует ремонта, Мария Павловна заботится и о ней.

В письмах молодой Ольги Леонардовны есть очаровательная легкость, которую можно принять за поверхностность: «Будь здорова, забудь о неврозе сердца»². Вместе с тем за этим оптимизмом стоит ощущение, что жизнь «полиняла» будто: «Жизнь идет, идет тяжело. Как-то вдруг все стало не нужно, все стерлось, полиняло. Мучительно стало думать о нашей жизни. Я не о своей лично говорю, это неважно. Не стало радости в жизни»³. А жить-то надо. В этом общем ощущении «полинялой» жизни для Книппер все переживания (и свои, и чужие) – лишь мелкие неприятности.

Мария Павловна человек другой. Не тонкий, может быть, не изысканный, но очень хороший, и с годами становящийся все лучше. Она умеет принять Ольгу Леонардовну такой, какая она есть.

«Не нервничай и смотри выше будничных мелочей»⁴ – советует ей Ольга Леонардовна. В целом трудности переживаются и принимаются ею со спокойствием, как часть «большого интересного времени»⁵.

А трудностей и волнений выпадает немало. Революция 1905 г., когда «Тверская как гроб, все забито наглухо, темно»⁶; гастроли во Франкфурте (1906 г.) и близость Баденвейлера, в который и хочется, и страшно ехать; болезнь матери; Первая мировая война, немецкие погромы, увольнение брата, К.Л. Книппера, с занимаемой должности в Петрограде. Но эмоции О.Л. Книппер держит всегда при себе: «Показывать нельзя. Все время бодр и крепка и покойна»⁷.

В то же время происходит семейное событие – Михаил Чехов тайком венчается с семнадцатилетней Ольгой Чеховой, племянницей О.Л. (самому М.А. Чехову на тот

момент 23 года). В письмах вновь вспыхивает неприязнь, главным образом негодует Ольга Леонардовна. Она беспокоится о том, что племянница слишком молода, еще девочка, а Миша Чехов «болен». Сдержанно и достойно ведет себя в этой ситуации М.П. Чехова. Она просит Ольгу Леонардовну успокоиться, пощадить Мишу и примириться со случившимся.

Каждое лето О.Л. Книппер ждет начала сезона, чтобы завалили работой и «чтоб нервы заходили, чтоб я была при месте, чтоб опять жилось своей жизнью»⁸. Мария Павловна несет свой «крест» терпеливо. Улаживает нескончаемые дела по ремонту ялтинского дома, по сдаче гурзуфской дачи в аренду. В ночь на 18 мая 1908 в Ялте и Мисхоре произошло землетрясение, о котором у М.П. Чеховой, несмотря на пережитый страх, читаешь с улыбкой: «попросту, недвижимое имущество стало движимым...»⁹.

Отдельной темой переписки почти с самого ее начала становится сад в Ялте, заложенный А.П. Чеховым. Мария Павловна заботливо ухаживает за ним, и сад разрастается и хорошеет с каждым годом.

Нет почти ни одного письма, в котором бы М.П. Чехова не писала бы о нем: «Розы цветут, скоро распустятся хризантемы, нынче они будут очень крупны, т.к. я оставила по одному бутону на каждой веточке. Вообще ты бы не узнала нашего сада теперь!»¹⁰. Из сада в Москву высылаются фрукты: персики, груши, абрикосы и сливы. М.П. Чехова все время сокрушается, что О.Л. Книппер никогда не видит сада в пору цветения: «Если б ты знала, как прекрасен наш сад весной! Масса цветов, аромат, тепло и солнечно. У меня наверху в балконе уже зацвела глициния! <...> Мне очень жаль, что ты не видела нашего сада весной. Он хорош только весной»¹¹.

Сад становится даже каким-то отдельным героем, одушевленным, принимающим участие в событиях: «У нас тревожно, всюду стрельба, побег из тюрьмы. Через наш сад недавно пробежал преступник и

за ним полиция. Жутко»¹² (1906 г.). В саду же спасаются от землятрясения, там же спят ночью под маслиной, опасаясь новых толчков.

Все это время Мария Павловна работает над изданием переписки А.П. Чехова, для чего просит дать ей письма, хранящиеся у Ольги Леонардовны, на перепечатку. К 1911 г. уже начинает выходить первый том. Мария Павловна работает много и самоотверженно.

28 августа 1916 обе стали бабушками: у Михаила Чехова и Ольги Книппер родилась дочка. Перед взором читателя проходят рождение, первые дни жизни, крестины, первые шаги будущей актрисы Ольги (Ады) Чеховой, ее взросление и взаимоотношения с отцом, ее громкие успехи в кинематографе. Переписка длится так долго, что и дочка «Олички», тоже Ольга, становится ее героем: в 1934 г. Ольга Леонардовна едет в Берлин на ее свадьбу.

Одни из самых волнующих страниц переписки – письма 1917 г. Наступает голод и холод. Книппер справляется, как на юге насчет круп, картофеля, муки и просит запастись для нее сухой провизией. М. П. Чехова отвечает, что пока все есть, но через месяц, возможно, голодная волна докатится и до Крыма.

Живется трудно, но в письмах жалоб не встретишь. Живут какой-то необъяснимо твердой верой в прекрасное будущее. Жаль, только нервы сдают, играть тяжело: «На днях играла “Три сестры” и в 4-м акте так занервила, что казалось, еще минута, и нервы не выдержат, и я или уйду или упаду или крикну... Сердце прямо оторвалось... Уже это было не искусство»¹³.

Лето 1917 г. Книппер (вопреки обыкновению) целиком провела в Гурзуфе – «по тому как мне хочется в Гурзуф, надо бы ему дать название «Желанное»¹⁴. Впервые переписываются из соседних поселков: Мисхора (дачу в котором М.П. Чехова отстроила для себя в 1907 г.) и Гурзуфа.

В Москву возвращаться было тревожно: «С каким-то особым чувством я ехала

по пустынным темным улицам. С волнением посмотрела на Б. театр, освещенный, окруженный какими-то лицами»¹⁵.

А дальше – «точно легенда. Вся жизнь в основе всколыхнулась»¹⁶. Наступили ноябрьские безумные дни. «Маша, если бы я могла тебе дать почувствовать, что мы сейчас переживаем! Пойдет уже седьмой день жуткой неизвестности... Гремят орудия, пулеметы, летят шрапнели, свистят пули, разбивают дома, городскую думу, Кремль, разбили лошадей на Б. театре... <...> Телефоны не работают. Мы не знаем, что с нашими близкими, и они о нас ничего не знают... Провизия кончается, грозит форменная голодовка...»¹⁷.

«В Ялте страшная пальба и война на море и суше, что никакое перо не опишет!! – отвечает Мария Павловна. – Через нашу дачу пролетали пули и снаряды, сотрясались стены, дребезжали стекла»¹⁸.

В 1919 г. умирает мать М.П. Чеховой, в том же году умирает и мать О.Л. Книппер, а сама Книппер входит в 1920-й уже совсем седой.

Переписка читается как литературное произведение, и ты переживаешь за его героев так крепко, что с апреля 1919 г. и вплоть до конца 1920-го, когда подряд начинают идти одни сплошные встревоженные письма О.Л. Книппер без ответов М.П. Чеховой, начинаешь волноваться, не случилось ли чего у «Маши», начинаешь скучать по тону ее писем, по известиям о саде, по лимонам, которые (несмотря на войну) высылались иногда и в эти годы в Москву. А письма от Марии Павловны, оказывается, просто-напросто пообещали отвезти в Москву, а доставили в Тифлис, где они потерялись.

Еще одна долгая разлука связана с гастролями МХТ в США в 1922–24 гг. и с тем, что М.П. Чехова занята новыми хлопотами. В эти годы ялтинский дом становится Домом-музеем А.П. Чехова, а Мария Павловна – его заведующей. На нее сваливается огромное количество бумажной работы, мелких хлопот. Но по коротким письмам

«Маши» чувствуешь в ней после 1925 г. сильную перемену: она стала энергичнее, собраннее – «очумела от работы», но нотки ее оптимизма стали какими-то зрелыми. Про сад пишет, словно телеграфирует: «Цветов много».

О.Л. Книппер же, напротив, хандрит, болеет, предается воспоминаниям. Женщины как будто поменялись ролями.

В 1928 г. в Ялте случается еще одно сильное землетрясение, оно длится с перерывами несколько месяцев. Это рушит планы, рождает новые хлопоты. Поражает упорство и самоотверженность, с которыми «Маша» восстанавливает дом и его интерьер.

В 1928 г. О.Л. Книппер-Чехова получает звание Народной артистки, а М.П. Чехова поздравляет ее посылкой с цветами из сада. С тех пор Мария Павловна регулярно пакует в ящички и высылает Ольге Леонардовне первые хризантемы, фиалки, розы, глицинии, ирисы, цинии, бессмертники, петунии и даже ветки сирени (Ольга Леонардовна ставила сирень в кипяток, чтобы она расправилась – и ведь расправлялась!). В Москве «ароматные ящички» О.Л. Книппер получает каждый раз «со слезами умиления» и прижимает к сердцу. С цветами обращаются трепетно: «Посылаю весенние цветочки. Я каждый из них поцеловала и уложила в коробочку»¹⁹. Ольга Леонардовна отвечает: «Пойми тот момент, когда вылезают гвозди из древесного тела, крышка поднимается, и ты прикладываешь лицо к свежим очаровательным цветочкам и в одну секунду переносишься в ялтинский сад»²⁰.

По-прежнему едут в Москву из Ялты груши, сливы, персики...

С 1927 г. О.Л. Книппер начинает приезжать на лето в Гурзуф гораздо чаще и дольше времени проводит с Марией Павловной. Поездки за границу перестали быть делом обыкновенным. Зато телефон постепенно входит в быт, и даже в Берлин по нему можно звонить: «Чудеса!» – восклицает М.П. Чехова.

Замечаешь: в письмах обеих становится больше легкости, мудрости, юмора. Хотя здоровье начинает беспокоить гораздо чаще, а времена пошли если не тяжелее, то, по крайней мере, не радостнее прежних.

Если в 1907 г. О.Л. Книппер просила М.П. Чехову выслать ей из Ялты 12 бутылок муската, то в 1930-х из Москвы в Крым (!) высылают «хлебца и сладенького». «Дело наше дрянь насчет питания. Московские сухари очень поддержали и поддерживают»²¹. Это 1934 год. Мария Павловна часто просит выслать ей пачку овсянки, хлеб.

В 1931 г. (Ольге Леонардовне 63 года, Марии Павловне 68 лет) это уже совсем родные горячо любящие друг друга люди. Возвращаясь домой после визита в Москву, Мария Павловна пишет: «Мне было очень хорошо, уютно и родственно в вашей семье»²². Это чувство родства Мария Павловна будет очень ценить и через годы скажет о нем так: «Я добилась того, что ты признала меня близкой-родной, и уж не отойдешь от меня далеко»²³.

Начинаются продолжительные болезни Ольги Леонардовны, когда она лежит дома и скучает, Мария Павловна узнает о них часто по отмене спектаклей в афише.

За границу теперь «отпускают». МХТ отпустили на гастроли в Берлин. В Ялте – голодно, в Москве – дороговизна.

Число посетителей Дома-музея каждый день растет. «Сегодня приняли 90 человек. Нанесли холоду, наследили, остались довольны объяснением и ушли»²⁴. 90 – это в феврале. А летом – сотни; по памятным датам – около тысячи. У Марии Павловны очень много работы. Она готовит выставки и выпускает книги, одновременно пишет годовые отчеты, бьется за доставку топлива и строительного материала, осуществляет прокладку труб в саду. Ведет вечную борьбу за существование музея. Она становится хранителем Дома Антона Павловича Чехова – хранителем не в смысле профессии, а в самом прямом, сущностном. Долгое время после смерти брата робела, боялась зайти в кабинет.

Потом зашла, убрала все по-прежнему, как было при А.П. Чехове, а в 1920-х. заказала на письменный стол стеклянный колпак, который и теперь хранит на нем заведенный порядок.

В 1941 г. работы у Марии Павловны так много, что она любит садом уже только из окна: не успевает выйти.

В 1932 г. Ольгу Леонардовну шокирует приказ называть театр именем Горького: «Я не могу прийти в себя от нелепости и бестактности этого факта. Ты понимаешь? Чувствуешь? Считаю это за оплеуху всему нашему прошлому»²⁵. В ответном письме Мария Павловна сгущает на множество посетителей, на физическую и нравственную усталость, которые не дают ей возможности как-то реагировать на эту бестактность: «Мне только стыдно за все то, что происходит сейчас. Это чувствуем не только мы с тобой. Мне жаль памяти близкого нам человека, которому и при жизни часто делали больно». И добавляет горько: «Оставим это»²⁶.

Когда в 1939 г. Ольга Леонардовна заболела, и ей потребовалась операция, письма оборвались – но ход событий восстановлен в комментарии по письмам и телеграммам других людей.

Каждый год, теряя близких, женщины все время напоминают себе: а мы еще живы. «Мог бы и твой супруг быть сейчас в живых, – пишет Мария Павловна, – но я совершенно не мыслю, как бы он себя чувствовал в нашей современности»²⁷.

В 1941 началась война. «Чувствуем себя очень тревожно, но стараемся не падать духом – все бодры». Дом оберегают, круглосуточно дежурят, Мария Павловна, конечно, в дежурствах не участвует – но «сохраняет бдительность»²⁸.

В сентябре 1941 г. переписка обрывается немецкой оккупацией Ялты и возобновляется только через три года.

«То, что происходит в мире за эти три года меня как-то прихлопнуло, – пользуясь возможностью возобновить переписку, пишет О.Л., – и я вместо того, чтобы бороться,

все как-то отдаляюсь от жизни, все мне кажется мало нужным и незначительным. Радость получала только от спектаклей, не помню, когда играла с таким нервом, с такой радостью»²⁹.

В октябре 1944 г. Ольга Леонардовна и Мария Павловна увиделись после долгой разлуки. Горько читать строчки о том, что сад очень сильно пострадал от бомбежек, музей тоже.

С 1945 г. Мария Павловна начинает приводить в порядок их переписку. И, собственно, первую рецензию на отчетный двухтомник написала именно она: «Целая эпоха твои письма, очень интересные, и я испытываю разные переживания...»³⁰.

Ольга Леонардовна бывает в Гурзуфе летом, в Москве по нему очень тоскует: «Маша, когда я одна, все мысленно брожу по Гурзуфу и Ялтинскому садику и вспоминаю каждый кустик, слышу, как под ногами гравий поскрипывает, слышу море, и так делается тоскливо»³¹.

Под пальцами, перелистывающими страницы, стремительно летят годы, и начинаешь чувствовать близость конца. А чем же может кончиться переписка двух людей? Ощущаешь приближающееся дыхание смерти в этих грустных «увидишь ли я тебя?». Юмора меньше, бодрости нет, то и дело извиняются друг перед другом, что не писали долго, потому что хворали, что глаза устают от напряжения при письме...

Наступает 1955 г. Ольга Леонардовна уже давно не выходит за порог своего дома, а так хочется в театр: «идет “Чайка” у Яншина, “Иванов” (ставила Кнебель), у нас “Лермонтов”, у Охлопкова – “Гамлет” с необычайной пышностью»³².

Письма за 1956 г. читать больно. Они короткие. Перезваниваются иногда и плачут в трубку от счастья – что просто слышат голос друг друга.

Оглядываясь назад, на прожитую вместе с нашими двумя героинями жизнь, жизнь, действительно, как сказано в предисловии И.Н. Соловьевой, «без сокращений»,

понимаешь, что это люди совершенно особенного типа.

Книппер чувствует связь с мужем через роли. Первое время после смерти с большим трудом играет «Чайку»: «Я ужасно переживала этот вечер, много усилий делала, чтобы не разреветься и не убежать»³³. В молодости признается, что «как-то странно удалена от памяти об Антоне, т. ч. мне иногда странным кажется, что я ношу его фамилию, фальшь какая-то. Когда я сижу над его книжками, когда я плачу над его пьесами, когда сижу на могиле, я чувствую, что это был мой единственный близкий человек»³⁴. До конца своей жизни, играя «Вишневый сад», радуется, что будет «вновь говорить эти чудесные красивые слова, опять <...> переживать эту нежную тоску...»³⁵.

А Мария Павловна вновь обретает связь с братом в заботах о его доме, саде, в работе над сохранением и изданием его писем и произведений: «выражаясь поэтично – я брошена сейчас в мое “прошлое” и снова его переживаю с величайшей живостью – проверяя “его” письма»³⁶.

Ощущая то огромное и бесценное, что было как бы выше их и над ними, они сумели наполнить доставшуюся им жизнь хорошим отношением друг к другу, от чего обеим становилось теплее и легче жить. Как трудно сойтись таким разным людям – и как это все-таки возможно. Почти по Станиславскому: «Действуй так, как если бы ты любил – и полюбишь!». Этот дивный и кроткий элемент «системы» может вне сцены стать просто хорошим нравственным уроком.

Ольга Абрамова

1 Станиславский К.С. Собрание сочинений в 9 т. / Ред. и вступ. ст. А.М. Смелянский. М.: Искусство, 1989. Т. 2. С. 92.

2 О.Л. Книппер – М.П. Чехова. Переписка. Том 1: 1899–1927/ Подгот. текста, сост., комм. З.П. Удальцовой. Предисл. И.Н. Соловьевой. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 268.

3 Т. 1. С. 263.

4 Т. 1. С. 264.

5 Т. 1. С. 190.

6 Т. 1. С. 184.

7 Т. 1. С. 469.

8 Т. 1. С. 212.

9 Т. 1. С. 286.

10 Т. 1. С. 227.

11 Т. 1. С. 482, 485.

12 Т. 1. С. 209.

13 Т. 1. С. 524.

14 Т. 1. С. 515–516.

15 Т. 1. С. 531.

16 Т. 1. С. 545.

17 Т. 1. С. 541.

18 Т. 1. С. 557.

19 О.Л. Книппер – М.П. Чехова. Переписка. Том 2: 1928 – 1956/ Подгот. текста, сост., комм. З.П. Удальцовой. Предисл. И.Н. Соловьевой. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 44.

20 Т. 2. С. 46.

21 Т. 2. С. 101.

22 Т. 2. С. 100.

23 Т. 2. С. 378.

24 Т. 2. С. 137.

25 Т. 2. С. 155.

26 Т. 2. С. 157.

27 Т. 2. С. 361.

28 Т. 2. С. 398.

29 Т. 2. С. 414.

30 Т. 2. С. 451.

31 Т. 2. С. 510.

32 Т. 2. С. 642.

33 Т. 1. С. 176.

34 Т. 1. С. 181.

35 Т. 1. С. 267.

36 Т. 2. С. 378.